

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'06

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.9-18

ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТОПОНИМИИ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Ю.А. Дзиццойты

*Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова,
г. Цхинвал, 100001, Республика Южная Осетия*

Аннотация

В статье проанализированы тюркские элементы в топонимии Южной Осетии. Большинство из них выявлено впервые. Их удельный вес весьма незначителен и составляет приблизительно 0.16% от общего числа топонимии края. Показательно, что в топонимии Северной Осетии тюркизмы на порядок больше, что объясняется прямыми осетинско-тюркскими контактами на Северном Кавказе, в которых не участвовали предки южных осетин. В то же время тюркизмы, встречающиеся в топонимии Южной Осетии, за редким исключением, не представлены ни в топонимии, ни в апеллятивной лексике диалектов Северной Осетии. Это может свидетельствовать о независимом их появлении вследствие частичной инфильтрации тюркского этнического элемента на территорию Южной Осетии. Фонетический облик югоосетинских тюркизмов позволяет говорить о одновременном появлении соответствующих онимов.

Ключевые слова: Южная Осетия, топонимия, тюркизмы, этимология, этническая история

Южная Осетия расположена на южном склоне Главного Кавказского хребта, вдали от основных перевальных дорог, ведущих в Закавказье – Дарьяльской (Военно-Грузинской) и Мамисонской (Военно-Осетинской). На севере она граничит с Северной Осетией, а с трех сторон окружена Грузией. Такое географическое положение во многом определило ход исторического и культурного развития края. В рамках настоящей работы также важно иметь в виду, что, в отличие от Северной Осетии, Южная никогда не граничила с территориями, населенными тюркскими народами, а на ее собственной территории не зафиксировано ни одного тюркского поселения. Этим и объясняется факт почти полного отсутствия тюркизмов в языке и топонимии южных осетин при их наличии в языке и топонимии северных.

В топонимии Южной Осетии отмечены лишь единичные тюркизмы [1, с. 163; 2], количественное соотношение которых с тюркизмами, представленными в топонимии Северной Осетии, коррелирует с соотношением тюркизмов в апеллятивной лексике: в диалектах и говорах Северной Осетии тюркизмы представлены

сотнями, в особенности в говорах, продолжающих контактировать с тюркскими языками [3, с. 161 и сл.]. В диалектах же Южной Осетии тюркизмы на порядок меньше, причем они проникли в южные диалекты осетинского языка, скорее всего, из северных [4, с. 239]. Опираясь на этот факт, можно сделать вывод: в эпоху интенсивных осетинско-тюркских контактов, имевших место в Средние века на Северном Кавказе, предки южных осетин жили в Закавказье и не участвовали в них.

Начало алано-тюркских контактов принято относить к эпохе гуннских вторжений на Северный Кавказ в IV в. н. э., а эпоха наиболее тесных взаимоотношений алан с тюрками приходится на VII – XIII вв. н. э. [5, с. 145 и сл.]. Именно в этот период в языке северных осетин и появилось большинство тюркизмов (из кипчакского и хазарского), хотя они проникали в осетинский язык и после средневековой эпохи (из балкарского и ногайского) [6, с. 31–33; 7].

В Южной Осетии отмечены антропонимы тюркского происхождения, которые заимствовались из говоров Северной Осетии. Однако данные топонимы следует рассматривать, как и большинство аналогичных топонимов Северной Осетии, в качестве образований на собственно осетинской почве, не связанных с наличием в Осетии тюркского этнического элемента. В ходе работы над созданием полного корпуса топонимии Южной Осетии возрос процент зафиксированных югоосетинских тюркизмов. Среди них встречаются и такие, которые не являются антропонимными и не находят отклика в топонимии Северной Осетии. Эти топонимы, как нам кажется, могут свидетельствовать о частичной инфильтрации тюркского этнического элемента в Южную Осетию. Анализу именно этой части топонимии Южной Осетии посвящена настоящая статья.

Большинство рассматриваемых ниже тюркизмов выявлено впервые.

Awlew – селение в Ленингорском районе (ТЗ, с. 402). Не исключено, что этот ойконим появился в результате диссимилятивного опрощения из *Awlew. Ср. название села Avlevi в Карельском районе Грузии. В конечном -ew скрывается обычный для Южной Осетии топоформант. Основу *Awl- можно возвести к тюрк. (тат., казах., кипч.) *aul* ‘деревня; юрты, находящиеся на одном месте’; ср. также ног. *авыл*, башк. *ауыл*, узб. *овул* ‘селение; аул’ [8, с. 70], кроме того (Тат.С., т. 1, с. 72–73). Из тюркских языков происходят рус. (диал.) *аул* ‘деревня, селение, стойбище, шатер азиатских и кавказских народов’ (Фасм., т. 1, с. 96) и осетинское (диг.) *aul* ‘поколение (внутри одного рода)’ [9, с. 440]. Рассматриваемый ойконим не может быть производным от дигорского апеллятива по двум причинам. Во-первых, ареал дигорского диалекта осетинского языка не соприкасается с территорией Южной Осетии. Во-вторых, топонимов, восходящих к апеллятиву *aul*, нет не только в Дигории, но и во всей Северной Осетии. Поскольку в диалектах Южной Осетии также нет апеллятива *aul*, но есть производный от него ойконим, происхождение последнего, возможно, следует связать с инфильтрацией тюркского элемента в соответствующий регион. Ср. ниже топоним Awnew, а также ойконим Amlev-i в Тетрицкарской области Грузии.

Awnew – селение в Знаурском районе (Т2, с. 108–109). Если допустить переход из *Awlew, то можно сопоставить с предыдущим топонимом.

Axmaz – селение в Ленингорском районе (ТЗ, с. 404). Учитывая, что осетинский *x* часто возводят к *q*, восстанавливаем форму *Aqmaz, которую трудно

отделить от ойконима *Aqmaz* (< *Aqmaz) в Северной Осетии. Тюркское происхождение ойконима *Aqmaz* уже отмечалось в литературе (Ц., с. 529). Данный ойконим в Южную Осетию мог попасть из Северной.

Æfeldytæ – пашня в Дзауском районе (Т1, с. 103). Топоним имеет форму именительного падежа множественного числа (суфф. *-tæ*). Если это не забытое фамильное имя или патроним, то основу *Æfæl-dy-* можно связать с тюрк. (куманским) *aval* ‘начало; происхождение’, которое, в свою очередь, восходит к арабскому источнику (Räsänen, S. 32).

Bilunta – гора и пастбище в окрестностях селения Гаваз в Ленингорском районе (Т3, с. 166), *Bilurta* – гора и пастбище в окрестностях селения Ахслёб в Дзауском районе (Т1, с. 207). Делим на корень *Bil-* и два топоформанта: *-ur* и *-ta*. Следовательно, неясный компонент *-un* в первом случае – это вариант суффикса *-ur*. Учитывая то, что оба топонима прикреплены к горе, корень *Bil-* можно связать с древнетюркским *beł* ‘поясница’, в числе производных от которого имеются слова со значением ‘седловина горы’, ‘склон горы’, ‘горный перевал’, ‘косогор’, ‘хребет горы’ и пр. [10, с. 119–121].

Зорт – селение в Ленингорском районе (Т3, с. 260). Возможно, из тюрк. *jürt > карач.-балк. *žurt* ‘земля’, тат. *jort/žort*, казах. *žurt*, кирг. *žurt* ‘дом; двор, усадьба’, хакас. *čurt* ‘жилище’, якут. *surt* ‘стойбище’ и пр. (Räsänen, S. 211; ЭСЧувЯ, с. 221; Тат.С., т. 1, с. 325). Сюда же рус. (диал.) *юрта* ‘дом, стоянка кочевника’ (Фасм., т. 4, с. 534).

Edys – селение в Дзауском районе (Т1, с. 145–146). Возводится к тюркскому этнониму *edisan* – названию одного из семи колен бештауских ногайцев (Т1, с. 146). В случае корректности сопоставления отпадение конечного *-an* можно объяснить народно-этимологическим сближением с осетинским суффиксом прилагательных *-on/-an*. С другой стороны, ср. этноним *(ä)d(i)z* ‘название одной из ветвей огузов’ (Räsänen, S. 36).

Gezeuret – селение в Ленингорском районе (Т3, с. 412). Возможно, из *Geze-ur-et, то есть ‘(местность) Гезеуровых’. Восстанавливаемое фамильное имя *Geze-ur-i, в свою очередь, представляет собой производное с грузинским суффиксом *-ur-* от топонима *Geze* – названия местности в Западной Грузии, к югу от Дигории, и в буквальном переводе означает «выходец из (селения) Гезе». В Западной Грузии зафиксирован также топоним *Gez-at-i*, который вряд ли удачно сближают с груз. *gezi* ‘брод’. Во всяком случае, в Осетии и Балкарии большинство созвучных топонимов привязаны к горам. Ср. оронимы *Gezexox* ‘гора Гезе’ и *Gezej æfcæg* ‘перевал Гезе’ в Северной Осетии (Дигории) (Ц., с. 113), *Geze tau* ‘гора Гезе’ в Балкарии, *Geze æfcæk* ‘перевал Гезе’ – перевал на этой горе. В языке осетинского фольклора зафиксировано также название села (и его жителей) – *Saw Geze* ‘Чёрные Гезе’. Сюда же отнесем название села, ущелья и реки *Džizi* (< *Geze) в Северной Осетии (Ц., с. 70, 74, 113–114) и гидроним *Gizij xunti sawædonæ* ‘родник на пашнях / возле пашен Гизи’ (Ц., с. 308). В основе этих топонимов можно усматривать тюрк. (азерб.) *gez* ‘седловина’, (карач.-балк.) *kez* ‘седловина, впадина’.

Jendyrk’oju ugærden ‘Луг Йендырко’ (Т1, с. 256), *Jendyrk’oju swadon* ‘Родник Йендырко’ (Т1, с. 223) – луг и родник в Дзауском районе. В осетинском антропонимиконе нет имени собственного Йендырко, что заставляет обращаться

в поисках этимологии к другим языкам. Ср. карач.-балк. *əndər* ‘ток (место для молотбы), гумно’, имеющее многочисленные параллели в родственных языках (Тат.С., т. 2, с. 503–504). Для корректности сопоставления рассматриваемые топонимы можно понимать как «луг возле гумна» / «родник возле гумна». Конечное *-k'o*, очевидно, суффикс.

Косо – пастбище в Дзауском районе (Т1, с. 129). Этимология на осетинской почве затруднительна. Делим на *Кос-* и непродуктивный топоформант *-o*. В первой части, возможно, скрывается тюрк. *köç* ‘кочевать, переселяться’ (см. (Räsänen, S. 285–286; ЭСЧувЯ, с. 120)). Топоним первоначально означал ‘кочевье’. Следует добавить, что в дигорском диалекте осетинского языка есть слово *goc kaenun* ‘переходить; переселяться’, восходящее к тому же тюркскому источнику (АБ1, с. 521). Однако, судя по форме, дигорское слово не имеет отношения к рассматриваемому орониму.

Kotana c'qaro (груз.) ‘родник Котана’ – холм в Ленингорском районе (Т3, с. 27). См. следующий топоним.

Kotanto – селение в Дзауском районе (Т1, с. 376). Если делить на *Kotan-* + *-to*, то во второй части можно видеть непродуктивный топоформант, представленный также в топонимах *Eræto*, *Irto*, *Wisto* и пр. Оставшуюся часть следует связать с тюрк. *kutan/kotan* ‘хутор’, ‘пастбище’, ‘большое земельное угодье’, ‘загон для скота’ (см. (Räsänen, S. 284; Тат.С., т. 1, с. 476)).

K'wajsa – селение в Дзауском районе (Т1, с. 493–494). Н.Г. Джусойты выводит данное наименование из тюрк. *koj su* ‘овечий источник’, имея в виду небольшую речку рядом с этим селением, по которой оно и было названо [2]. Данная этимология нуждается в некоторых уточнениях. Основа со значением ‘вода; река’ в тюркских языках представлена в формах *su*, *suv*, *suu* и т. п., но не *sa*. Поэтому осетинский топоним следует возвести к этимону **k'waj* + *su* + *-a*, где **su* – закономерный осетинский рефлекс тюркского *su* ‘вода; река’, а конечный *-a* – непродуктивный формант, широко распространенный в топонимии Осетии. Относительно синкопы *-y-* ср. осет. *zwarsa* ‘козел со скрещенными рогами’ из *zwar* ‘крест’ + *su* ‘рог’ + суфф. *-a* (АБ3, с. 179). Компонент *k'waj-* также нельзя возводить непосредственно к тюркской форме *koj* ‘овца’ ввиду несоответствия анлаутных согласных. Учитывая, что фонема *q* в наиболее ранних заимствованиях из тюркских языков регулярно подвергалась субституции абруптивным *k'*, анализируемый топоним следует восстановить в **qwaj-* ‘овца’. Ср. др.-тюрк. *qoj*, *qojun*, карач.-балк. *qoj* ‘овца’, а также формы *koj*, *xoj*, *kuj* и другие в большинстве современных тюркских языков (Räsänen, S. 279; Тат.С., т. 1, с. 463). Дифтонгоид *wa* в осетинском топониме носит вторичный характер. Учитывая соответствие *wa/o* в диалектах осетинского языка (ср. диг. *xwar* ‘зерно’ / ирон. и кудар. *xor* id.), форму **k'waj-* можно было бы признать дигорской. Но, во-первых, во всех этимологически ясных случаях древнее *wa* перешло в монофтонг, а не наоборот. Во-вторых, монофтонгизация в этих словах произошла относительно поздно, уже после эпохи Средневековья. Таким образом, форма **k'waj-* отражает либо неизвестную нам норму одного из диалектов аланского языка, либо это особенность одного из тюркских диалектов. Важно отметить, что гидроним и ойконим *Qvajdan* (абазинская форма) / *Qojdan* (карачаевская форма) в Карачае этимологизируют из тюркского **qvaj* ‘овца’ и аланского **dan*

‘река’ (Аб1, с. 367; Т1, с. 493). В Балкарии зафиксирован гидроним *Qoj suw* ‘Овечья речка’, полностью совпадающий с осетинским топонимом. Следовательно, реконструированное *qwaj ‘овца’ на территорию Южной Осетии проникло из тюркских диалектов Северо-Западного Кавказа. О субституции *q > *k* подробнее будет сказано ниже.

-man- – редкий непродуктивный топоформант, встречающийся преимущественно в ойконимии: *Bolisman* (пашня) (Т3, с. 372), *Erman* (селение) (Т1, с. 146–147), *Karzman* (селение) (Т1, с. 491–492), *K’ozmantæ* (селение) (Т1, с. 283). Ср. тюрк. *man* ‘загородка; загон для маралов’, ‘забор’ (см. подробнее (Räsänen, S. 325), а также [8, с. 70]). Возможна и этимология на иранской почве.

Qaba – луг в Дзауском районе (Т1, с. 125). Этимологии нет. Возможно, связано с осетинским (диг.) *qabaγ* ‘поселение, аул; хутор’, восходящим к тюркскому источнику: карач.-балк. *qabaq* ‘поселение; ворота’ и пр. (Аб2, с. 252). Если верна предложенная этимология, то на этом лугу в прошлом могло существовать поселение.

Qarta – селище в Дзауском районе (Т1, с. 296–297). Не исключено тюркское происхождение; ср. карач.-балк. *qart* ‘старый’ + ныне непродуктивный топоформант *-a*. Топоним в прошлом мог означать ‘(место) старого (поселения)’, то есть «место, где в прошлом было поселение».

QellQely cad ‘озеро Кел’ – озеро в Ленингорском районе (Т1, с. 96–97). Уже давно объясняется из тюркского [1, с. 163]; ср. тюрк. *köl ‘озеро’ и родственные факты (Räsänen, S. 288).

Qob – селение и ущелье в Дзауском районе (Т1, с. 297). Возможно, связано с балкарским *qobu* ‘котловина’. Сюда же относятся топонимы *Qobta* (селище), *Qoby k’axyr* ‘Кобская расселина’ (перевал) в Цхинвальском районе (Т2, с. 497, 355), *Qopa* (селение) в Ленингорском районе (Т3, с. 444). К этому же тюркскому источнику может восходить ойконим *K’ob* в Центральной Осетии.

Qola – селение в Дзауском районе (Т1, с. 384). Возможно, связано с балкарским *qol* ‘балка, ущелье’ + осет. суфф. *-a*.

Quraya c’qali (груз.) ‘родник Курага’ – родник в Ленингорском районе (Т3, с. 360). В первой части, возможно, тюрк. *kür ‘сухой; высохший’ (Räsänen, S. 302), карач.-балк. *quru* || *quruγan* ‘сухой; засохший’. Если наша этимология верна, то анализируемый гидроним следует переводить как ‘пересыхающий родник’. Ср. топоним *Qura-žun-a* в Северной Осетии, в основе которого также видят тюрк. *qura* ‘сухой; безводный’ (Ц., с. 48–49).

Wyldy xox ‘гора Вилд’ – гора в Ленингорском районе (Т3, с. 335). Возможно, тюркско-осетинское гибридное сложение. Ср. тюрк. *alty* ‘шесть’ (Räsänen, S. 18; ЭСЧувЯ, с. 274] и осет. *xox* ‘гора’. Ороним в переводе может означать «шесть гор». Сюда же, очевидно, относится ойконим *Wilda* в Цхинвальском районе (Т2, с. 623).

* * *

Разумеется, тюркские элементы в топонимии Южной Осетии не ограничиваются приведенным материалом. Дальнейшие изыскания могут расширить этот список. Однако и перечисленных топонимов вполне достаточно для суждения о характере тюркизмов в топонимии края.

1. Учитывая, что в Южной Осетии зафиксировано около 16 тысяч топонимов, удельный вес тюркизмов, составляющих всего двадцать названий, слишком незначителен. Любопытно, что многие из них являются названиями населенных пунктов. Значительная часть югоосетинских тюркизмов зафиксирована в Ленингорском районе, расположенном в непосредственной близости от Военно-Грузинской дороги.

2. По семантическим признакам югоосетинские тюркизмы можно разбить на три основные группы:

а) топонимы, отражающие реалии скотоводческого быта (стойбища, пастушеские стоянки и т. п.): *ʒort, Koco, Kotanto, Kotana (c'qaro)*. Очевидно, первоначально к этой же сфере относились ойконимы *Alew, Awnew* и *Qaba*;

б) топонимы, отражающие реалии горного ландшафта: *Bilunta/Bilurta, Gezeuret, Qob, Qola*;

в) названия водных объектов: *K'wajsa, Qel, Quraya (c'qali)*.

3. Вместе с тем, принимая во внимание наличие или отсутствие параллелей в топонимии Северной Осетии, югоосетинские тюркизмы можно разделить на две группы:

а) топонимы, не имеющие параллелей в топонимии Северной Осетии (их большинство): *Alew, Awnew, Aefældytæ, Bilunta/Bilurta, ʒort, Edys, Jendyrk'o, Kotanto/Kotana (c'qaro), K'wajsa, -man-, Qarta, Qel, Qob, Qola, Wyldy (xox)*;

б) топонимы, имеющие параллели в топонимии Северной Осетии и/или в апеллятивной лексике североосетинских диалектов: *Axmaz, Gezeuret, Koco, Qaba, Quraya (c'qali)*.

Первый из этих топонимов попал в Южную Осетию, скорее всего, вместе с переселенцами из Северной Осетии. Возможно, такого же происхождения и второй топоним. Третий и четвертый находят параллели в апеллятивной лексике дигорского диалекта. На дигорский источник указывает и ойконим *Gezeuret*. Что касается пятого топонима, то его соответствие североосетинскому топониму (*Qura-ʒyn-a*) является неполным. Возможно, в них представлены два разных варианта тюркского слова.

Таким образом, топонимы *Axmaz, Geze(uret)* и *Quraya (c'qali)* могли попасть в Южную Осетию из Северной именно в качестве географических названий. Топонимы *Koco* и *Qaba*, по всей вероятности, являются производными от осетинских (дигорских) апеллятивов тюркского происхождения. Что касается остальных топонимов, не имеющих аналогий ни в топонимии Северной Осетии, ни в апеллятивной лексике осетинского языка, то в них можно видеть собственно тюркские производные, сформировавшиеся непосредственно на территории Южной Осетии. В случае корректности этимологии ойконима *Edys* можно утверждать, что одним из тюркских языков, участвовавших в формировании топонимии Южной Осетии, был ногайский. Топонимы, содержащие фонему /q/, указывают на какие-то другие тюркские языки, близкие к современным карачаевскому и балкарскому.

4. В шести из двадцати проанализированных топонимов содержится фонема /q/, это *Qaba, Qarta, Qel, Qob, Qola* и *Quraya (c'qali)*. В двух других топонимах фонема /q/ содержалась в прошлом: *K'wajsa* и *Axmaz*. Почему же в одних топонимах эта фонема сохранилась, а в других подверглась субституции?

В научной литературе отмечен факт относительно позднего появления фонемы /q/ в осетинском языке [11, р. 464]. Причем источником ее заимствования признаны тюркские языки [9, с. 25]. В старых заимствованиях из кавказских и тюркских языков фонема /q/ языка-донора регулярно замещалась абруптивом *k'* (АБ1, с. 620, 622, 624 – 625; ЭСКурЯ, с. 137, 147). Ср. осет. *k'æbæda* 'болтун' < груз. *qbedi* || *qbeda*; осет. *k'æcæl* 'щепка' < кабард. *qwec'ij*; осет. *k'ælæw* 'ослёнок' < тюрк. *qulan* || *qolan* || *qolaw* и пр. В других примерах, отражающих, очевидно, более поздний период в истории осетинского языка, когда фонема /q/ стала входить в его фонологическую систему, находим двойное отражение, ср. осет. *qaxbaj/k'axbaj* 'проститутка' < тюрк. *qahpa*; осет. (ирон.) *qarxan*, (кудар.) *k'ærxæn* 'капкан' < тюрк. *qarqan*. Еще позже, когда рассматриваемая фонема стала полноправным членом фонологической системы осетинского языка, субституция и вовсе перестала срабатывать. Ср. осет. (ирон.) *qan* 'воспитанник' < тюрк. *qan* и др. Именно эти, поздние заимствования из тюркских языков и отсутствуют в диалектах Южной Осетии.

Если попытаться с этих позиций рассмотреть специфику тюркизмов в топонимии Южной Осетии, то следует признать, что топоним *K'wajsa*, отражающий тюркское **qwaj* 'овца', заимствован намного раньше тех, в которых тюркское /q/ сохранилось. Промежуточное положение занимает топоним *Qob*, представленный в Центральной Осетии в форме *K'ob*. Большинство же тюркизмов в топонимии Южной Осетии по признаку наличия в них фонемы /q/ относится к более позднему времени (XIV – XVII вв.).

С другой стороны, как это видно на примере *qarxan* 'капкан' < тюрк. *qarqan*, тюрк. *q* в инлауте часто замещалось осетинским *x*. Отсюда и расхождение между североосетинским *Aqmaz* и югоосетинским *Axmaz*.

5. Таким образом, тюркизмы в топонимии Южной Осетии появились в разное время и, очевидно, из разных тюркских языков. Некоторые из них попали на территорию Южной Осетии через Северную. Однако большинство проанализированных югоосетинских тюркизмов не находит параллелей ни в топонимии Северной Осетии, ни в апеллятивной лексике североосетинских диалектов. Это может указывать на частичное проникновение тюркского этнического элемента в Южную Осетию.

Список сокращений

- азерб. – азербайджанский
- башк. – башкирский
- груз. – грузинский
- диал. – диалект
- диг. – дигорский диалект осетинского языка
- др.-тюрк. – древнетюркский
- ирон. – иронский диалект осетинского языка
- кабард. – кабардинский
- казах. – казахский
- карач.-балк. – карачаево-балкарский
- кирг. – киргизский
- кудар. – кударский диалект осетинского языка
- кипч. – кипчакский

ног. – ногайский
 осет. – осетинский
 рус. – русский
 тат. – татарский
 тюрк. – тюркский
 узб. – узбекский
 хакас. – хакасский
 якут. – якутский

Источники

- Аб1 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 1. – 655 с.
- Аб2 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 2. – 448 с.
- Аб3 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. – Л.: Наука, 1979. – Т. 3. – 358 с.
- Т1 – *Цховребова З.Д., Дзицкойты Ю.А.* Топонимия Южной Осетии: в 3 т. – М.: Наука, 2013. – Т. 1. – 599 с.
- Т2 – *Цховребова З.Д., Дзицкойты Ю.А.* Топонимия Южной Осетии: в 3 т. – М.: Наука, 2015 – Т. 2. – 740 с.
- Т3 – *Цховребова З.Д., Дзицкойты Ю.А.* Топонимия Южной Осетии: в 3 т. – М.: Наука. – Т. 3 (в работе).
- Тат.С. – *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда [Этимологический словарь татарского языка (на татар. яз.)]. – Казань: Мәгариф–Вақыт, 2015. – Т. 1. – 541 с.; Т. 2. – 568 с.
- Фасм. – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс. – 1986. – Т. 1. – 576 с.; 1987. – Т. 4. – 864 с.
- ЭСКуРЯ – *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка: в 2 т. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 2. – 536 с.
- ЭСЧувЯ – *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
- Räsänen – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. – XVI, 533 S.
- Ц. – *Цагаева А.Д.* Топонимия Северной Осетии: в 2 т. – Орджоникидзе: Ир, 1975. – Т. 2. – 561 с.

Литература

1. *Цховребова З.Д.* Материалы по топонимике и гидронимике Южной Осетии // Изв. Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. – Цхинвали: Мецниереба, 1969. – Вып. 16. – С. 155–182.
2. *Джусойты Н.Г.* Цы нысан кæнынц дзырдтæ «Къуайса», «Æрыдон», «Æрджы нарæг» [О значении топонимов «Къуайса», «Æрыдон», «Æрджы нарæг»] // Советон Ирыстон. – 1979. – 30 марта (№ 62) – С. 4. (на осет. яз.)
3. *Алборов Б.А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. – Орджоникидзе: Ир, 1979. – 312 с.
4. *Бекоев Д.Г.* Иронский диалект осетинского языка. – Цхинвали: Ирыстон, 1985. – 386 с.

5. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. – Владикавказ: Ир, 1992. – 392 с.
6. *Исаева З.Г.* Осетинская антропонимия. Личные имена. – Орджоникидзе: Ир, 1986. – 107 с.
7. *Абаев В.И.* Тюркские элементы в осетинской антропонимии // Теория и практика этимологических исследований. – М.: Наука, 1985. – С. 23–29.
8. *Баскаков Н.А.* Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая // Топонимика Востока. – М.: Наука, 1969. – С. 64–71.
9. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – 608 с.
10. *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 389 с.
11. *Thordarson F.* Ossetic // *Compendium Linguarum Iranicarum*. – Wiesbaden: Reichert 1989. – P. 456–479.

Поступила в редакцию
14.11.2020

Дзиццойты Юрий Альбертович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой осетинского языка и общего языкознания

Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова
ул. В. Путина, д. 8, г. Цхинвал, 100001, Республика Южная Осетия
E-mail: dzicc@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 1, pp. 9–18

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.9-18

Turkic Elements in the Toponymy of South Ossetia

Yu.A. Dzitstsojty

*South Ossetian State University named after A.A. Tibilov,
Tskhinvali, 100001 Republic of South Ossetia
E-mail: dzicc@mail.ru*

Received November 14, 2020

Abstract

In this paper, the Turkic elements in the toponymy of South Ossetia were analyzed. Most of these elements have never been previously studied. A brief survey of the history of the study of Turkisms in the toponymy of the region was performed. It was revealed that the proportion of South Ossetian Turkisms is very insignificant: they account for less than 1% of the total number of toponyms of South Ossetia. Here, it should be emphasized that the study of South Ossetian toponymy and, in particular, Turkisms is at the early stage and, therefore, other Turkisms may be discovered in the future. In the toponymy of North Ossetia, there are many more Turkisms, which is explained by the direct Ossetian-Turkic contacts in the North Caucasus without the participation of the ancestors of South Ossetians. A total of 20 toponyms, all borrowed from the Turkic languages, were analyzed. These are mainly names associated with livestock life, as well as names reflecting the realities of mountain landscapes and water objects. The identified

Turkisms in the toponymy of South Ossetia, with rare exceptions, do not occur in the toponymy or dialects of North Ossetia, thereby indicating their independent appearance due to the partial infiltration of the Turkic ethnic element into the territory of South Ossetia.

Keywords: South Ossetia, toponymy, Turkisms, etymology, ethnic history

References

1. Tsovrebova Z.D. Materials on the toponymy and hydronymy of South Ossetia. *Izvestiya Yugo-Osetinskogo NII AN GSSR*, 1969, no. 16, pp. 155–182. (In Russian)
2. Dzhusoity N.G. On the meaning of the toponyms “K”uajsa”, “Ærydon”, and “Ærdžy naræh”. *Soveton Iryston*, 1979, no. 62, p. 4. (In Ossetian)
3. Alborov B.A. *Nekotorye voprosy osetinskoj filologii* [Some Problems of Ossetian Philology]. Ordzhonikidze, Ir, 1979. 312 p. (In Russian)
4. Bekoev D.G. *Ironskij dialekt osetinskogo yazyka* [Iron Dialect of the Ossetian Language]. Tskhinvali, Iryston, 1985. 386 p. (In Russian)
5. Kuznetsov V.A. *Očerki istorii alan* [Essays on the History of the Alans]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 392 p. (In Russian)
6. Isaeva Z.G. *Osetinskaya antroponimiya. Lichnye imena* [Ossetian Antroponymy. Personal Names]. Ordzhonikidze, Ir, 1986. 107 p. (In Russian)
7. Abaev V.I. Turkic elements in the Ossetian anthroponymy. In: *Teoriya i praktika etimologičeskikh issledovanij* [Theory and Practice of Etymological Research]. Moscow, Nauka, 1985, pp. 23–29. (In Russian)
8. Baskakov N.A. Geographic nomenclature in the toponymy of the Altai Mountains. In: *Toponimika Vostoka* [Toponymy of the East]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 64–71. (In Russian)
9. Abaev V.I. *Osetinskij yazyk i fol'klor* [Ossetian Language and Folklore]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1949. 608 p. (In Russian)
10. Dybo A.V. *Semantičeskaya rekonstruktsiya v altaiskoi etimologii. Somatičeskie terminy (plečevoi poyas)* [Semantic Reconstruction in the Altai Etymology. Somatic Terms (Shoulder Girdle)]. Moscow, Shkola “Yazyki Russ. Kul't.”, 1996. 389 p. (In Russian)
11. Thordarson F. Ossetic. In: *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, Reichert, 1989, pp. 456–479.

⟨ **Для цитирования:** Дзиццойты Ю.А. Тюркские элементы в топонимии Южной Осетии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 1. – С. 9–18. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.9-18. ⟩

⟨ **For citation:** Dzitstsojty Yu.A. Turkic elements in the toponymy of South Ossetia. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 1, pp. 9–18. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.9-18. (In Russian) ⟩